

К. А. Вельчева

Днепропетровский университет имени Альфреда Нобеля

**ЛЮБОВЬ КАК ТЕОЛОГИЧЕСКАЯ ДОБРОДЕТЕЛЬ
В «ВИДЕНИИ О ПЕТРЕ ПАХАРЕ» У. ЛЕНГЛЕНДА**

Розглядається образне втілення ідеї любові у релігійній алегоричній поемі Вільяма Ленгленда «Видіння про Петра Орача» (XIV ст.).

Ключові слова: Ленгленд, алегорія, любов як християнська чеснота, біблійна образність.

Рассматривается образное воплощение идеи любви в религиозной аллегорической поэме Уильяма Ленгленда «Видение о Петре Пахаре» (XIV век).

Ключевые слова: Ленгленд, аллегория, любовь как христианская добродетель, библейская образность.

The article considers the imagery of love in the religious allegorical poem «The Vision of William Concerning Piers the Plowman» by William Langland (the XIVth century).

Key words: Langland, allegory, love as a Christian virtue, biblical imagery.

Среди английских поэтов XIV в. одним из самых интересных является Уильям Ленгленд, которому, по мнению ученых, принадлежит авторство одной поэмы «Видение о Петре Пахаре» в трех редакциях. Проблемы творчества Ленгленда привлекают огромное внимание зарубежных литературоведов, но в украинском и российском литературоведении его поэма остается мало исследованной. В советской науке начало литературоведческого изучения «Видения о Петре Пахаре» было положено М. П. Алексеевым [1]. В работах М. И. Николы произведение рассматривается в контексте развития жанра видения в средневековой литературе [3–6]. Проблему своеобразия аллегорической образности «Видения» затрагивает М. К. Попова [7]. В украинском литературоведении поэма Ленгленда не изучалась, поэтому нам хотелось бы заполнить данный пробел. Анализ различных аспектов этого произведения даст возможность глубже понять средневековое мировосприятие и религиозность, а также выявить особенности литературного процесса в Англии XIV века.

«Видение о Петре Пахаре» относится к жанру аллегорического видения-сна, точнее, к его религиозной разновидности. В поэме появляется образ рассказчика Уилла, который во сне отправляется в путь в поисках ответов на свои вопросы о спасении души и праведном образе жизни. Уилл встречает различных аллегорических персонажей, наставляющих его на путь истинный.

Автора «Видения о Петре Пахаре» отличает прекрасное знание Библии и трудов отцов церкви, цитаты из которых он часто вплетает в текст поэмы. Его глубоко волнует моральное состояние христианского общества. Облекая в художественную форму актуальные духовные проблемы своего времени, поэт наполняет произведение дидактическим пафосом. Одной из важнейших мыслей «Видения», проходящих сквозь всю поэму, является необходимость любви к Богу и ближнему своему ради спасения души. В то же время автор поет гимн любви Бога к человеку, прочувствованно рассказывает о добровольной жертве Христа и Его милосердию к человечеству. В данной статье мы попытаемся проанализировать художественное воплощение христианского понимания любви в поэме «Видение о Петре Пахаре». С этой целью мы рассмотрим, с помощью каких художественных средств поэт утверждает идею любви, а также наметим его связь с религиозной мыслью эпохи.

Согласно Библии, главными в земной жизни христианина являются три добродетели – вера, надежда и любовь. Они выводятся в качестве единой триады у Апостола Павла, который уделяет наибольшее внимание любви и ставит ее во главе двух других добродетелей: «А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше» (1 Кор. 13:13). В латинском варианте Библии для обозначения понятия любви в этом высказывании и во многих других используется слово «*caritas*». Оно усваивается английским, в котором принимает форму «*charitē*». В XIV в. это слово уже широко используется в английских письменных текстах для выражения целого ряда значений, таких как преданность, доброта, помилование, благодарность между Богом и человеком, а также человеком и человеком; любовь Бога к человеку и милость Божья; добросердечие, милосердие, благотворительность, милостыня [12]. Выступая за буквальное понимание самой важной для христиан книги, Джон Виклеф в стремлении максимально точно передать латинский текст средствами английского языка многократно использовал «*charitē*» в своем переводе Библии. Однако с ходом времени его преобладающим значением становится «милосердие, благотворительность».

В то же время еще в древнеанглийском языке существовало слово «*love*» (в форме «*lufu*») с широкой семантикой, которая включала значение и плотской любви, и любви возвышенной, божественной [13]. Наряду с «*charitē*» Библия Виклефа содержит и это слово в формах существительного и глагола.

В «Видении о Петре Пахаре» Ленгланда любовь обозначена двумя доступными языку его времени способами. «*Loue*» вводится в проповеди леди Святой Церкви, которая является рассказчику Уиллу во сне в первой главе. Она призывает сновидца стремиться к истине и любви, которые тесно связаны между собой. Святая Церковь подчеркивает, что само человеческое сердце содержит понимание того, как любить Бога и не совершать смертного греха. Она прибегает к четким и кратким дефинициям понятия, как это мог бы сделать образованный священник, стремясь ответить на вопрос с помощью близких простецам образов. Наставница Уилла делает пояснения, используя лексику из сферы медицины («Любовь есть небесное средство» [2, с. 77] – «*loue is triacle¹ of heuene*» [2, с. 76], «Ни одного греха нельзя видеть на том, кто употребляет это средство» [2, с. 77] – «*May no synne be on him sene that vseth that spise²*» [2, с. 76]), и возвращается к этому приему в конце проповеди, говоря «Любовь есть лекарь жизни» [2, с. 83] – «*Loue is leche of luf*» [2, с. 82]. Святая Церковь рассказывает, что Моисею любовь представлялась вещью драгоценной «и более всего небесной» [2, с. 77] («*and moste like to heuene*» [2, с. 76]), растением мира и самой драгоценной добродетелью («*the plente of pees*» [2, с. 76]), «*moste precious of vertues*» [2, с. 76]). Эта череда определений предваряет очень поэтичные, призванные тронуть читателя до глубины души слова о любви:

Ибо небо не могло удержать ее: она
была так тяжела сама,
Пока она не съела свою долю земли.
И когда она взяла от этой земли тело и
кровь,
То с тех пор никогда лист на липе не был
легче ее,
Она стала легкой и пронизывающей,
как острие иголки, так что ее не могло
остановить никакое вооружение и
никакие высокие стены [2, с. 77].

For heuene myghte noughte holden it it
was so heuy of hym-self,
Tyl it hadde of the erthe yeten his fylle,
And whan it haued of this folde flesshe
and blode taken,
Was neuere leef vpon lynde lighter
ther-after,
And portatyf and persant as the point of
a needle,
That myghte non armure it lette ne none
heigh walles [2, с. 76].

¹ Данное слово использовалось в среднеанглийском языке в значениях «противоядие» и «лекарство, средство» в прямом и переносном смыслах [15].

² Среди значений этого слова – «лекарство, средство» и «специя, используемая в качестве лекарства» также в прямом и переносном смыслах [14].

Образ сочетает противоположности – тяжесть и легкость, чувственную осязаемость и бесплотную неуловимость. Можно предположить, что в этом великольном образце религиозной поэзии автор пишет об Иисусе Христе, воплощающем небесную любовь к людям и воплотившемся в человеческом теле.

И вновь, подобно началу проповеди, Святая Церковь дает определения понятия любви на основе понятных простецу реалий. Она сопоставляется теперь с явлениями из иной сферы человеческой жизни – административного управления и юридической практики («Любовь есть предводитель народа Господа на небе / И посредник, каким является мэр между королем и общиной» [2, с. 77] – «is loue leder of the lordes folke of heuene, / And a mene, as the Maire is bitwene the kyng and the comune» [2, с. 76], «Совершенно так же Любовь есть правитель и устанавливает законы, / На человека за его преступления она налагает пени» [2, с. 77] – «Right so is loue a ledere and the lawe shapeth, / Vpon man for his mysdedes the merciment he taxeth» [2, с. 76]).

Хотя перед Святой Церковью находится только сновидец и ее речь является ответом на его вопросы, в качестве адресата автором избрана весьма широкая аудитория. Далее в своей проповеди Святая Церковь уже без метафоричности говорит о Сыне Божьем, которому Бог Отец из любви к человечеству позволил умереть и который просил о жалости к своим мучителям. Подчеркивая одновременно силу и кротость Христа, поэт переходит к призыву в адрес сильных мира сего: «Богатые, имейте жалость к бедным» [2, с. 79]. Без любви к ближнему и добрых дел по отношению к беднякам они не спасутся, несмотря на все другие свои добродетели. Библейскому высказыванию «Вера без дела мертва» (Иак. 2:26) Ленгленд придает наглядно-чувственный характер: она «мертва, как дверной косяк, если только ее не сопровождают дела» [2, с. 81]. Служителей церкви автор также призывает к любви к ближним и заботе о них. Священникам поэт говорит следующее: «Целомудрие без любви будет в цепях в аду: / Оно так же бесполезно, как светильник, внутри которого нет огня» [2, с. 81]. Здесь Ленгленд снова упоминает бытовые реалии для разъяснения абстрактных понятий. Свою проповедь любви Святая Церковь завершает выводом, что любовь – «прямые ворота, которые ведут в небо» [2, с. 83] – «the graith gate that goth in-to heuene» [2, с. 82].

После проповеди Святой Церкви рассказчик наблюдает во сне ряд аллегорических сцен. Он видит свадьбу леди Мид (чье имя означает «мзда, вознаграждение») и королевский суд над ней, затем присутствует при исповеди персонифицированных грехов, вместе с другими кающимися встречает Петра Пахаря, который указывает им путь к истине и старается приобщить к труду. Однако Уилл не считает, что получил ясный ответ на свои духовные запросы и отправляется в путь, пытаясь постичь сущность праведного образа жизни. Поиск рассказчика индивидуален, он представляет собой глубоко личную попытку познания и приближения к идеалу. Но не стоит забывать, что перед нами аллегорическая поэма и образ рассказчика тоже аллегоричен. Уилл, как следует из его имени (англ. – Will), иносказательно представляет человеческую волю [16, с. 106]. «Как христианская воля, сновидец сталкивается с проблемой следования по пути в Иерусалим перед лицом ошибочных доктрин и мирских соблазнов» [16, с. 100]. По дороге Уилл встречает различных аллегорических персонажей, с которыми вступает в диалог. Эти встречи помогают ему продвигаться путем совершенствования. Однако развитие не происходит гладко, и в определенный момент рассказчик демонстрирует приверженность ложному учению, также у него случается отступление от цели поиска. В споре с аллегорическим персонажем по имени Писание (глава 10) Уилл описывает, во что он верит:

<p>И что я был создан человеком и мое имя внесено В книгу жизни³ задолго до того, как я появился, Или иначе не вписано за какое-то злодеяние, как свидетельствует Святое Писание: Никто не восходил на небо, как только сшедший с небес⁴.</p>	<p>And that I man maad was, and my name yentred In the legende of lif longe er I were, Or ellis unwritten for som wikkednesse, as Holy Writ witnesseth: <i>Nemo ascendit ad celum nisi qui de celo descendit</i> [17].</p>
--	---

Такой взгляд на спасение как результат божественного предопределения является авторской позицией. Уже тот факт, что в центре внимания автора – человеческая воля и он настолько подробно прослеживает путь этого аллегорического персонажа, говорит о важности личного выбора в пользу добра и любви в системе ценностей поэта. Вера в предопределение снимает с рассказчика ответственность за собственные поступки и моральное состояние [16, с. 126], поэтому он склонен поддаться богине Фортуне. Фортуна увлекает его своими дарами, а затем, с наступлением старости, покидает. Утешить рассказчика удастся вновь появившемуся Писанию. Произнося проповедь, этот персонаж восстанавливает в Уилле поколебленную веру в возможность его спасения. Писание подтверждает, что нет настолько большого греха, который бы не искупили милосердие (*mercy*) и кротость (*meeknesse*), и ссылается на библейское изречение «Благ Господь ко всем, и щедроты Его на всех делах Его» (в латинском варианте «над всеми делами», «превыше всех дел») (Пс. 144.9, англ. 145.9). Однако, как понимает Уилл, человеку необходимо раскаяться, чтобы не гореть в чистилище до судного дня.

Автор подчеркивает важность образа жизни человека для его спасения. Эту мысль он доказывает, приводя в пример в одиннадцатой главе популярную легенду о римском императоре Траяне. В «Ранних годах Григория Великого», описанных монахом из Уитби, и «Золотой легенде» говорится, что Траян совершил дело милосердия по отношению к одной вдове. Григорий Великий, узнав об этом, понял, что язычник поступил, как того требовала Библия («Ранние годы Григория Великого»). Помня об этом справедливом поступке и других его добрых делах, Григорий решил молиться за душу Траяна, благодаря чему тот, все еще пребывая в аду, был избавлен от вечной муки («Золотая легенда») [10]. Ленгленд на короткое время предоставляет слово самому Траяну, который, по версии поэта, вышел из ада. Траян объясняет свое спасение любовью, верностью и справедливостью, которые отличали его в земной жизни («*love and leautee and my laweful domes*» [17]. Под верностью поэт подразумевает верность заповеди милосердия [16, с. 136] или же верность моральным и социальным обязательствам, честную жизнь и следование истине [11, с. 288]. Писание, наставляющее сновидца, подчеркивает, что не молитвы папы, а правдивость и любовь, исповедуемые императором-язычником, помогли ему спастись. Траяну в тексте поэмы приписываются слова «Закон без любви ... не стоит и одного боба / Или любая наука под солнцем, семь искусств и прочие!» – «*Lawe withouten love ... ley ther a bene / Or any science under sonne, the seven arts and alle!*» [17].

Поэт поднимает проблему соотношения учености человека и вероятности его спасения и решает ее в духе францисканцев. Любое учение, как говорит Писание, тщетно, если оно нужно не ради любви к ближнему: «Любовь и правдивость – истинная наука, / Ибо ею благословлена Библия блаженством и радостью» – «*Love and leautee is a lell science, / For that is the book blisshed of blisse and of joye*» [17].

³ Иоанн 20:12, 15.

⁴ Здесь и далее перевод этого источника осуществлен автором статьи.

Слово «love» многократно повторяется Писанием на сравнительно коротком отрезке проповеди, запечатлеваясь в сознании читателя. Писание призывает любить друзей и врагов, но прежде всего – проявлять в своих делах любовь к бедным. Таким образом, по мнению Ленгланда, спасение души во многом зависит от дел милосердия, совершаемых человеком. Перефразируя Библию (Матф. 25:34 – 46), Писание напоминает, что в облике бедняка Христос всегда смотрит на нас взглядом, полным любви, и жаждет познать доброту нашего сердца. Сообщается еще одна причина, по которой нужно любить ближнего: Христос в равной мере искупил богатых и бедных, поэтому все они стали Его братьями, – следовательно, люди являются братьями друг для друга.

Научившись смирению и избавившись от своих религиозных заблуждений, Уилл отправляется дальше. Одним из встреченных им аллегорических персонажей становится существо по имени Анима, в пятнадцатой главе преподающее Уиллу урок о Милосердии (Charite). В западноевропейском искусстве сформировались несколько типов изображения милосердия. В своей трактовке этой теологической добродетели Ленгланд значительно отходит от готической традиции воплощения ее в виде женщины, совершающей шесть дел милосердия, то есть утоляющей голод, жажду, предоставляющей приют, одевающей, лечащей, утешающей в неволе, как это предписывалось в Евангелии от Матфея (Мф. 25:35 – 40). Ленгланд также не следует и другому типу изображения милосердия как фигуры, в руках у которой сосуд с пламенем, свеча или сердце. Такая традиция родилась в Италии на основе представления о любви к Богу и людям как «горении сердца», сформированного французским богословом Бонавентурой. Помимо этих двух сложившихся в искусстве эмблем милосердия из Италии в другие европейские страны приходит третья, ведущая происхождение от древнего образа *Virgo Lactans* – женщина с обнаженной грудью, кормящая младенцев [9, с. 360–361]. Однако этот тип изображения у Ленгланда также отсутствует, что отчасти объясняется более поздним расцветом его популярности в английской литературе и изобразительном искусстве. В ренессансной литературе милосердие, олицетворяемое матерью в окружении младенцев, уже вполне узнаваемый для читателя образ, который, например, можно встретить в проникнутой пафосом протестантизма поэме Эдмунда Спенсера «Королева Фей». Милосердие представит в ней в образе Чариссы, которая вместе с сестрами Фиделией (верой) и Сперанцей (надеждой) живет в доме своей матери дамы Селии, чье имя означает «небесная». Портреты всех трех добродетелей представляют собой «словесные иконы, насыщенные разнообразной библейской символикой» [8, с. 62]. Чарисса описана как юная мать в окружении детей, в желтом одеянии, но с обнаженной грудью и шеей. На голове у Чариссы золотая тиара с драгоценными камнями, дама расположилась на троне из слоновой кости, а на руку к ней села пара диких голубей [8, с. 63]. Образы теологических добродетелей, созданные Спенсером, отличаются барочной избыточностью, изобилуют наглядными аллегорическими деталями, рассчитанными на восприятие образованного, искушенного читателя.

В сравнении с «Королевой Фей» становится заметнее своеобразие средневековой поэмы Ленгланда, религиозную проблематику которой подхватывает поэма Спенсера. Ленгланд предпочел выстроить образ этой теологической добродетели скорее вербально, чем визуально. Портрет Милосердия в «Видении о Петре Пахаре» отсутствует, автор не стремится создать статичный эмблемный образ, а переносит акцент на действия персонажа. Помимо этого, образ Милосердия, созданный Ленгландом, расходится с типами, которые находим в живописи и у Спенсера, тем, что Милосердие в «Видении о Петре Пахаре» мужского рода.

Анима сообщает, что милосердие подобно ребенку, «это откровенная и щедрая добрая воля без ребячества или глупости» («Withouten fauntelte or folie a fre liberal wille» [17]), и цитирует строки «Если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» (Матф. 18:3). Уилл высказывает сомнение, что

на земле можно найти такого друга, и утверждает, что никогда не видел полного милосердия. Уилл понимает, что для проявления настоящего «charite» недостаточно, когда «люди милосердны к нищим и беднякам / И дают в долг там, где рассчитывают вернуть деньги» («Men beth merciable to mendinaunts and to poore, / And wollen lenc ther thei leve lelly to ben paied» [17]). Милосердия не найти на рыцарских турнирах и в торговле. В ответе Анимы персонифицированное милосердие приобретает черты характера и манеры поведения:

«Милосердие, – сказал он, – не торгует,
не бросает вызов противникам, не
жаждет;
Так же гордится пенни, как и фунтом
золота,
И так же рад серой домотканой одежде,
Как и шелковой или алой тунике.
Он радуется со всеми радостными и
добр, когда все злы,
И доверяет всем и любит всех, кого
создал Наш Господь.
Никого не прокликает, не держит гнева,
Не любит лжи и насмешки над другими.
Он доверяет всему, что говорят люди, и
все радостно принимает,
И все беды кротко переносит.
Он не жаждет земного имущества, но
только небесного блаженства».

«Charite, ' quod he, «ne chaffareth noght,
ne chalangeth, ne craveth;
As proud of a peny as of a pound of
golde,
And is as glad of a gowne of a gray russet
As of a tuncle of Tarse of of trie scarlet.
He is glad with alle glade and good til
alle wikkede,
And leneth and loveth alle that Oure Lord
made.
Corseth he no creature, ne he kan bere no
wrathe,
Ne no likynge hath to lye ne laughe men
to scorne.
Al that men seyn, he leet it sooth, and in
solace taketh,
And alle manere meschiefs in myldenesse
he suffreth.
Coveiteth he noon erthely good but
heveneriche blisse' [17].

Проповедь Анимы показывает, что, по мнению автора, милосердие не тождественно совершению добрых дел, а является внутренним состоянием любви в человеке, которое уже во вторую очередь проявляется в поступках.

Уилл пытается оценить того, о ком говорит Анима, в земных категориях. Он задает вопрос о наличии у Милосердия ренты или богатых друзей. Анима отвечает, что у него есть друг иного рода – *Fiat voluntas tua*, который никогда не оставит в беде. На обед Милосердие употребляет только блюдо *Spera in Deo*, он может нарисовать *Paternoster* и украсить его с помощью *Ave Marias*. Беднякам и заключенным Милосердие приносит не хлеб, а более сладкую пищу – духовную. Псалом 6 подсказывает автору бытовой мотив стирки, который помогает ему наглядно изобразить абстрактную идею: Милосердие

Трудится подольше в прачечной,
И погружается в мысли и желания
юности и сильно хватает
Гордыню со всеми ее
принадлежностями, сжимает их
И бьет возле своей груди и начисто
выколачивает,
И выжимает долгое время с помощью
*Laboravi in gemitu memo*⁵,
И затем споласкивает теплой водой из
своих глаз.

Labouren in a lavendrye wel the lengthe of
a mile,
And yerne into youthe, and yepeliche seche
Pride, with al the appurtenaunces, and
pakken hem togideres,
And bouken hem at his brest and beten
hern clene,
And leggen on longe with *Laboravi in
gemitu memo*,
And with warm water at hise eighen
wasshen hem after [17].

⁵ «Утомлен я воздыханиями моими: каждую ночь омываю ложе мое, слезами моими омочаю постель мою» (Пс. 6.7).

В свойственной ему манере Ленгленд облакает в осязаемую форму бесплотные понятия. Как видно из приведенных примеров, целые фразы могут становиться названиями предметов, окружающих аллегорический персонаж. Автор уходит от традиционных иконографических схем, не использует узнаваемые атрибуты Милосердия и создает совершенно иной образ, близкий и понятный низовой аудитории.

Уилл восхищается Милосердием и хочет его найти. Анима отвечает, что это Божий рыцарь, его можно увидеть среди различных людей любого достатка, но вряд ли среди шутов, чиновников епископа в консистории, бродяг или анахоретов с ящиком для подаяний. Ленгленд сетует на моральное состояние людей церкви: в рясе монаха Милосердие видели только во времена Святого Франциска; некоторое время Милосердие находилось среди архиепископов, епископов и прелатов, раздавая наследие Христа бедным, но теперь ключи взяла в свои руки алчность. Милосердие связывается поэтом со смирением. Его характеристика завершается цепочками быстро сменяющих друг друга синонимов, что создает эффект эмоциональной взволнованности:

Он не винит и не проклиняет, не хвастает и не низкопоклонствует, Не упрекает, не хмурится, не глядит сурово, Не жаждет, не алчет, не требует большего:

...

Он не просит, не выпрашивает, не одалживает; Никому не причиняет вреда, никого не обижает словами.

Neither he blameth ne banneth, bosteth ne preiseth,
Lakketh, ne loseth, ne loketh up sterne,
Craveth, ne coveiteth, ne crieth after moore:

...

Neither he biddeth, ne beggeth, ne borweth to yelde;
Misdooth he no man, ne with his mouth greveth [17].

Вся цепочка отрицаний представляет собой поэтическую аллитеративную обработку фрагмента из Первого послания Павла коринфянам⁶. Дидактический дискурс Послания подсказывает Ленгленду его манеру раскрытия сущности милосердия не через предметные детали, которые могли бы окружать персонаж, а с помощью множества глаголов, из которых складывается «программа» праведной жизни.

Выслушав обширное наставление, сновидец все еще сомневается, чем в действительности является Милосердие. В шестнадцатой главе это понятие облачается Анимой уже в совсем другой образ:

«Это драгоценное дерево, – сказал он, – если говорить по правде. Милость его корень, его ствол – жалость; Листья – это правдивые слова закона Святой Церкви; Цветы – это кроткая речь и добрый вид; Терпением зовется чистое дерево и бедной простотой сердца, И так с помощью Бога и хороших людей растет плод милосердия».

«It is a ful trie tree,' quod he, «trewely to telle.
Mercy is the more therof; the myddul stok is ruthe;
The leves ben lele wordes, the lawe of Holy Chirche;
The blosmes beth buxom speche and benigne lokynge;
Pacience hatte the pure tree, and pore symple of herte,
And so thorough God and thorough goode men groweth the fruyt Charite' [17].

⁶ «Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; всё покрывает, всему верит, всего надеется, всё

Дерево Милосердия растет в посаженном Богом саду, корень его в теле человека, сердце является почвой, которую возделывает *Liberum Arbitrium* (свободная воля) под руководством Петра Пахаря. В данном случае исследователями были выделены четыре традиционных уровня аллегорического образа: буквальный, тропологический, аллегорический и анагогический. Анагогически дерево представляет Христа и Распятие, аллегорически – праведных, тропологически – отдельного христианина [16, с. 191]. Образ Дерева Милосердия у Ленгланда весьма нагляден и восходит к традиции средневекового искусства представлять пороки и добродетели в виде деревьев, также популярным было в виде дерева изображать распятого Христа рядом с колодцем милосердия Божьего [16, с. 192].

Услышав имя Петра Пахаря, сновидец впадает в еще более глубокий сон. В этом сне Петр показывает Уиллу Дерево Милосердия, поддерживаемое тремя опорами. Уилл узнает, что мир, плоть и дьявол представляют большую угрозу для его плода. Петр Пахарь защищает дерево с помощью трех опор – Бога Отца, Бога Сына и Бога Святого Духа. Когда сновидцу хочется попробовать плод, Петр начинает трясти дерево, и сыплющиеся с него плоды, в том числе Адама, Авраама, Исаию, Самсона, Самуила и Иоанна Крестителя, подбирает и уносит дьявол. В гневе Петр бьет дьявола опорой, зовущейся Бог Сын, чтобы отобрать у него плод. Далее снова вводится тема Христа, но Его история рассказывается уже подробнее, от рождения до смерти. Очнувшись на этом от более глубокого сна, все еще спящий рассказчик снова отправляется в путь и встречает Веру и Надежду (шестнадцатая и семнадцатая главы). Вера воплощается автором в образе Авраама, а Надежда – в образе Моисея. Вера объясняет сновидцу, что такое Троица и как важно в нее верить, а Надежда показывает ему новый закон на каменной скрижали – «Люби Бога и ближнего». Однако, чтобы власть Люцифера потеряла силу, этот закон нуждается в печати с изображением крещения и распятия, которая есть только у одного молодого рыцаря. Пока сновидец недоумевает, как совместить эти два условия спасения или как выбрать между ними, происходит встреча с добрым самаритянином. Самаритянин помогает избитому и ограбленному человеку, лежащему на дороге, который в поэме аллегорически представляет грешника. Подобно библейским священнику и левиту, на помощь несчастному не приходят присутствующие тут же Авраам и Моисей. В подсказанном Библией образе самаритянина узнается Христос, что является традиционным пониманием данного библейского эпизода. Таким образом, Ленгланд наглядно воплощает триаду христианских добродетелей – веру, надежду и любовь, где важнейшей оказывается последняя. Самаритянин объясняет Уиллу, что встать и пойти спасенным им сможет с помощью купания в крови ребенка, рожденного девой, лечения пластырями епитимии и страстей этого ребенка. Но окрепнуть он сможет, только съев этого ребенка и выпив его кровь.

Таинство евхаристии, о котором в данном случае говорит поэт, стало причиной жарких споров в Англии XIV века. Оксфордский богослов Джон Виклеф выдвинул в 1379 г. идею об образном, а не буквальном присутствии Христа в хлебе и вине, идя вразрез с представлениями того времени. Настаивая на исключительном значении этого таинства и понимая его в традиционном ключе, Ленгланд показывает себя противником теории Виклефа.

Самаритянин собирается на турнир в Иерусалим, где вступит в сражение за человеческую душу. В восемнадцатой главе описывается въезд в Иерусалим молодого рыцаря, который в доспехах «*humana natura*» выступит против дьявола, ложного суждения и смерти. Спустившись после распятия к вратам ада, Христос требует принадлежащие Ему по праву души.

переносит. Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится» (1 Кор.13:4–8). В латинском тексте использовано слово «*caritas*».

Речь Христа сочетает грозные и торжественные интонации, с одной стороны, и лирические – с другой. Выражение Его любви к человечеству призвано вызвать ответное глубокое чувство в читателе:

<p>Ибо Я – Лорд жизни, Мой напиток – любовь, И за этот напиток сегодня Я умер на земле. ... Но быть милосердным к человеку просит Моя природа, Ибо мы братья по крови, хотя мы не все одного крещения. Но ни один человек, который Мне всецело брат по крови и по крещению, Не будет проклят на бесконечную смерть.</p>	<p>«For I that am lord of lif, love is my drynke, And for that drynke today, I deide upon erthe (18.366 – 367). ... Ac to be merciabile to man thanne, my kynde it asketh, For we beth bretheren of blood, but nought in baptisme alle. Ac alle that beth myne hole bretheren, in blood and in baptisme, Shul nought be dampned to the deeth that is withouten ende [17].</p>
---	---

Несмотря на то, что в этом эпизоде присутствует мотив суда, в поэме вырисовывается скорее образ не Христа-судьи, а Христа, с любовью вззирающего на человечество. Автор говорит о милосердии Божьем гораздо больше, чем о гневе и справедливости.

Теоретическое объяснение того, что есть любовь, подготавливает сновидца к тому этапу, когда он собственными глазами видит события Нового Завета. Решающее влияние на него оказывает лицезрение Христа, вчувствование в Его страдания. Сложная система аллегорических образов «Видения» отражает близость автору идей английских мистиков XIV в. (Р. Ролль, У. Хилтон, Юлиана Нориджская, Марджери Кемп), которые в своих произведениях развивали тему любви человека к Богу и Бога к человеку. Элементы мистицизма проявляются у Ленгленда в его внимании к познанию Бога не с помощью разума, а через религиозные эмоции. Подобно мистикам, Ленгленд делает акцент на индивидуальном пути человека к спасению.

Библиографические ссылки

1. *Алексеев М. П.* Видение о Петре Пахаре / Михаил Алексеев // Из истории английской литературы. Этюды, очерки, исследования. – М.-Л., Гослитиздат, 1960. – С. 7–39.
2. *Ленгленд У.* Видение Уильяма о Петре Пахаре / Уильям Ленгленд // Видение Уильяма о Петре Пахаре [пер. Д. М. Петрушевского]. – Л. : Издат. Акад. наук СССР, 1941. – 276 с.
3. *Никола М. И.* Английская литература XIV века: становление поэзии и прозы, истоки традиций : автореф. дис. д-ра филол. наук на соиск. учен. степ. : спец. № 10.01.05 «Литература народов Европы, Америки и Австрии». – М., 1995. – 23 с.
4. *Никола М. И.* «Видение о Петре Пахаре» У. Ленгленда. Своеобразие жанра / Марина Ивановна Никола // Метод и жанр в зарубежной литературе : сб. науч. труд. – М. : МГПИ им. В. И. Ленина, 1979. – Вып. 4. – С. 38–48.
5. *Никола М. И.* «Видение о Петре Пахаре» У. Ленгленда как явление английского Предвозрождения / Марина Ивановна Никола // Художественное произведение в литературном процессе (на материале Англии) : межвуз. сб. науч. тр. / МГПИ им. В. И. Ленина ; [редкол.: Н. П. Михальская (отв. ред.) и др.]. – М. : МГПИ им. В. И. Ленина, 1985. – С. 13–29.
6. *Никола М. И.* Эволюция средневековых видений и «Видение о Петре Пахаре» Уильяма Ленгленда : автореф. дис. канд. филол. наук на соиск. учен. степ. : спец. № 10.01.05 «Литература народов Европы, Америки и Австрии». – М., 1980. – 16 с.
7. *Попова М. К.* Аллегория в английской литературе Средних веков / Мария Попова // Аллегория в английской литературе Средних веков. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1993. – 152 с.

8. Привалова Л. П. Библиейские аллюзии в поэме Э. Спенсера «Легенда о рыцаре Алого Креста» / Людмила Петровна Привалова // Від бароко до постмодернізму : зб. наук. праць. – Д. : Вид-во ДНУ, 2011. – Вип. XV. – С. 59–65.

9. Холл Дж. Милосердие / Джеймс Холл // Словарь сюжетов и символов в искусстве ; пер. с англ. А. Е. Майкапара. – М. : КРОНИПРЕСС, 1996. – 656 с.

10. Gregory the Great and Trayan [Online] // Fr. Luke Dysinger, O.S.B. Monastic Spirituality Self-Study [Site]. – URL: http://www.ldysinger.com/@themes/Apokat/03_liter/02_trajan.htm

11. Langland W. Piers the Plowman. Translated into modern English with an introduction by J. F. Goodridge. Rev. ed. – Harmondsworth : Penguin Books, 1966. – 318 p.

12. Middle English Dictionary Entry : charitē [Online] // Middle English Dictionary [Site]. – the University of Michigan, 2001. – URL: <http://quod.lib.umich.edu/cgi/m/mec/med-idx?type=id&id=MED7269>

13. Middle English Dictionary Entry : lōve [Online] // Middle English Dictionary [Site]. – the University of Michigan, 2001. – URL: <http://quod.lib.umich.edu/cgi/m/mec/med-idx?type=id&id=MED26245>

14. Middle English Dictionary Entry : spīce [Online] // Middle English Dictionary [Site]. – the University of Michigan, 2001. – URL: <http://quod.lib.umich.edu/cgi/m/mec/med-idx?type=id&id=MED42182>

15. Middle English Dictionary Entry : triacle [Online] // Middle English Dictionary [Site]. – the University of Michigan, 2001. – URL: <http://quod.lib.umich.edu/cgi/m/mec/med-idx?size=F+100&type=orths&q1=triacle&rgxp=constrained>

16. Robertson D. W., Huppe B. F. Piers Plowman and Scriptural Tradition / Robertson D. W., Huppe B. F. // Piers Plowman and Scriptural Tradition. – N. Y. : Octagon Books, 1969. – 259 p.

17. William Langland's The Vision of Piers Plowman [Online] // Corpus of Middle English Prose and Verse [Site]. – 1993. – URL: <http://quod.lib.umich.edu/c/cme/ppllan>

Надійшла до редколегії 16.05.2013 р.

УДК 821.111.09

І. С. Білоконенко

Криворізький національний університет

ЛІРИЧНИЙ ГЕРОЙ У СОНЕТНОМУ ЦИКЛІ Е. СПЕНСЕРА «АМОРЕТТИ»

Розглянуто метафоричні образи ліричного героя циклу сонетів «Amoretti» Е. Спенсера («ліричний герой → людина, об'єкт живої природи, міфологічна істота, об'єкт неживої природи»).

Ключові слова: Е. Спенсер, «Amoretti», ліричний герой, парадигма образів, метафорична модель.

Рассмотрены метафорические образы лирического героя цикла сонетов «Amoretti» Э. Спенсера («лирический герой → человек, объект живой природы, мифологическое существо, объект неживой природы»).

Ключевые слова: Э. Спенсер, «Amoretti», лирический герой, парадигма образов, метафорическая модель.

The article considers metaphorical images of lyrical character in the cycle of sonnets «Amoretti» by E. Spencer («lyrical character → human, living object, mythological creature, inanimate object»).

Key words: E. Spencer, «Amoretti», lyrical character, images paradigm, metaphorical model.